

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**СТАЛИНГРАДСКИЙ
КАЛИБР**

МОСКВА 2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

В оформлении обложки использован коллаж *Петра Волкова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Yura Taratunin, zef art, Kozlik, Tasha2030 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com.

Зверев, Сергей Иванович.

3-43   Сталинградский калибр / Сергей Зверев. —
Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Окопная правда
Победы. Романы, написанные внуками фронто-
виков).

ISBN 978-5-04-112249-2

Декабрь 1942 года. На помощь окруженной под Сталин-
градом немецкой группировке рвется механизированная армия
генерала Гота. Задача советского командования — ответным уда-
ром отбросить врага на запад. Танковая рота лейтенанта Алек-
сея Соколова воюет на самом ответственном участке фронта.
Танкистам удается прорваться к станции Тагинская и захватить
немецкий аэродром, с которого снабжается окруженная армия
Паулюса. Но гитлеровцы не собираются мириться с потерей
авиабазы. Они подтягивают резервы и внезапным ударом отсе-
кают советский авангард от основных сил. Чтобы избежать ги-
бели, Соколов решает на неожиданный и опасный маневр...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зверев С.И., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-112249-2

Глава 1

«Ким, сынок! Тебе одиннадцать лет, ты совсем взрослый. И я хочу, чтобы ты знал, как сражаются наши солдаты, как они защищают свою землю, свой народ от фашистской нечисти. Ты вырастешь, закончится война, но в памяти советских людей слово Сталинград навсегда останется символом мужества, стойкости и безмерной любви к своей Родине. Я буду в каждом письме рассказывать, сынок, о подвигах наших солдат, а ты рассказывай своим друзьям в школе, во дворе. Мальчишки должны знать, как сражаются их отцы и братья на фронте.

Вчера в передовом окопе тяжело ранило красноармейца Поддубного. Но он, преодолевая боль, продолжал наблюдать за противником. Фашисты, перегруппировавшись, хотели скрытно пробраться к нашему левому флангу. Надо было срочно сообщить замысел врага командиру, но Поддубный не мог двигаться. Как быть?

Напрягая все силы, он с большим трудом пополз до соседнего окопа, где сидел боец. Направив его с донесением к командиру, Поддубный остался

один. Немцы приближались. Раненый герой решил остановить врага. Ненависть к фашистам влила в него силы. Поддубный поднялся из окопа и одну за другой метнул в фашистов две гранаты. Четырех гитлеровцев разнесло на клочки. Остальных бандитов встретили и уничтожили вовремя предупрежденные советские воины»¹.

Потерявший более 70% личного состава и боевой техники 24-й танковый корпус вывели для пополнения и оставили в резерве. Лейтенант Соколов, которого утвердили командиром роты средних танков, с завистью слушал о том, как дерутся его товарищи в Сталинграде, как идет операция по окружению германской 6-й армии. «А что я расскажу после войны? — думал молодой танкист. — Был рядом со Сталинградом, но так и не участвовал в битве за город?»

Но как командир Алексей все же понимал необходимость такой передышки для корпуса. Измотанные в боях танкисты засыпали прямо за рычагами, техника была в ужасном состоянии, почти все танки требовали ремонта. А еще, начиная с июня 1941 года, Соколов не встречал частей, полностью укомплектованных людьми и техникой по штату военного времени. Но теперь он сам командовал танковой ротой, в которой

---

¹ Из материалов военных корреспондентов газеты «Сталинградская правда» за 1942 год.

имелось 17 танков, включая и его командирскую машину, и танки командиров взводов.

Передышка была не только отдыхом, она максимально использовалась для обучения личного состава, младших и средних командиров. Особое внимание уделялось взаимодействию в бою подразделений: танковых, стрелковых, артиллерийских. И сам Алексей, восстанавливая в памяти все, чему его учили в танковой школе, используя весь опыт, который он получил за эти полтора года войны, учил своих танкистов. Помогали ему в этом и механик-водитель командирского танка Семен Михайлович Бабенко, и командир башни наводчик Василий Иванович Логунов.

Бывший инженер-испытатель Харьковского танкового завода Бабенко оказался прекрасным педагогом. Он учил механиков-водителей роты не только тонкостям владения боевой техникой, но и правильному уходу за ней. А в боевых условиях повышение технического ресурса танка даже на несколько часов, порой могло спасти жизнь экипажу и, что важнее всего, выполнить боевую задачу. Бабенко в роте уважали все: и новички, и опытные танкисты.

Старшина Логунов учил наводчиков своему: как правильно делать упреждение, как разгадать, какой маневр фашист собирается совершить и какие есть признаки того, двинется вражеский танк вперед или назад. А заодно показывал са-

мые уязвимые места немецких танков, чешских, которых тоже немало было у врага.

Учеба шла своим ходом, техническая подготовка заканчивалась. Каждый танкист чувствовал, что скоро корпус бросят в бой, хотя командиры ничего о ближайших планах не говорили. Таковы правила войны — секретность мера необходимая, а нередко и немаловажный залог успеха. Окружена, зажата плотным кольцом 6-я немецкая армия в Сталинграде. Отбиваются попытки фашистов пробиться, прорвать кольцо и снаружи, и изнутри. Красная Армия сражается с полным напряжением сил, понимая важность разгрома немецких войск на Волге. Значит, понимал Соколов, надо ждать крупного немецкого наступления, значит, надо ждать и наступления Советских войск. В сложившейся ситуации никто не должен стоять на месте — это приведет к катастрофе, к поражению.

«Все, отдых закончился», — думал Алексей, возвращаясь с командного пункта батальона. И несмотря на то что майор Топилин собирал командиров рот для постановки боевой задачи, привычного боевого возбуждения Соколов не испытывал. Он вышел под звездное морозное небо, скрипя сапогами по снегу, остановился и, натягивая перчатки, стал смотреть на звезды. В морозную ночь звезды светят очень ярко, будто даже покалывают, как маленькие льдинки. Вот и началась вторая военная зима. Несмотря на крупные победы Красной Армии

в отдельных операциях, все равно приходилось отступать. Это были победы в оборонительных боях: под Москвой, теперь здесь, в Сталинграде. «Медленно, но мы фашистов все равно оста- навливаем, — думал Алексей. — Народ сража- ется как зверь, цепляясь за каждую пядь земли. И скоро мы перестанем отступать, перестанем бить ненавистного врага в оборонительных бо- ях. Теперь все».

Лейтенант глубоко вдохнул и с шумом выдох- нул морозный воздух. Клубами изо рта повалил пар. Надо идти в свое подразделение и сообщать о принятом командованием решении. «Хорошо, что моя рота полностью готова к бою, — с удо- вольствием подумал Соколов. — Я же чувство- вал, что скоро в бой. Машины в порядке, люди подготовлены. Даже успели все танки выкрасить в белый цвет». Соколов вспомнил про свой ко- мандирский танк, про свою «семерку». Логунов вместе с заряжающим Колей Бочкиным раздо- были красной краски и старательно вывели на борту танка его имя «Зверобой».

Вроде бы недавно это было, а кажется, что уже давно. На войне день за три, порой день за год. И там, под Воронежем, когда они получили в подарок новенький танк от женщин сибир- ского завода, на котором работала мама Коли Бочкина, и возникла идея дать ему имя. Такое, чтобы знали о нем все вокруг, знали на заводе, слышали его имя и гордились. Потому что доро- го оружие, которое тебе вручает командир, но во

стократ дороже оружие, которое вручают матери. И уж тогда никак нельзя посрамить этого оружия, бить врага придется так, чтобы земля под ногами у него горела. А Коля Бочкин молодец, хорошо придумал. Все мальчишки зачитывались книжками про индейцев, когда Фенимора Купера только перевели на русский язык. Говорят, еще до революции гимназисты зачитывались. А теперь вот и мы. И будем бить фашистского зверя нашим «Зверобоем». «Так и надо будет с ребятами поговорить перед боем», — решил Алексей.

На востоке над лесом в морозное чистое ночное небо взлетели две красные ракеты. Соколов сразу остановился, глядя вдаль. Ракеты были «тревожные», что-то случилось. И тут ответом на его вопрос ночной воздух прорезали пулеметные очереди. Одна, вторая, а потом длинная на расплав ствола. Так бьют из пулемета в критических ситуациях, не экономя патроны, чтобы остановить врага, залить ему дорогу свинцом. «Черт, там ведь мои ребята!» — Соколов бросился к крайним домам, где была расквартирована его рота, сетуя на то, что комбат приказал ему самому поселиться в доме, ближе к штабу батальона.

Впереди взревел танковый двигатель. Каким-то чутьем Алексей догадался, что это была его «семерка». То и дело проваливаясь валенками в глубокий снег и соскальзывая с утоптанной тропы, он все же успел добежать до своих

и увидеть, как, взметая снежную пыль, от бревенчатой хаты отъехал танк с надписью «Зверобой» на борту. Из домов выбегали танкисты, появились красноармейцы из стрелкового полка в полушубках и с винтовками. У крайнего дома какой-то танкист в ребристом шлеме и фуфайке пытался завести трофейный мотоцикл. Омаев? Мотоцикл наконец завелся. Развернувшись на месте, чуть не перевернув машину коляской вверх, молодой чеченец понесся по дороге в заснеженное поле.

— Занять позицию! — кричал знакомый старший лейтенант, командуя своими пехотинцами. — Пулеметы на фланги. С гранатами — ближе к дороге, засесть в щелях!

— Что случилось, Говоров? — Алексей подбежал к старшему лейтенанту и упал рядом в снег возле крайнего сарая.

— А, ты здесь? Хорошо! — кивнул командир, узнав танкиста. — Немцы прорвались. То ли из окружения кто-то вырвался, то ли к ним пробиться пытался, а теперь назад пошел. Неясно. Сообщение получили с поста регулировщиц. Несколько крытых грузовиков прошли. Регулировщица пыталась их остановить, свернуть колонну. Ее сбили. Подоспела санитарная машина, которая шла в госпиталь. Девушка успела сказать, что это немцы и умерла. Сколько машин, никто не видел. По радиации передали сообщение тревоги и выпустили ракеты. Вот и все! А те-

перь, видишь, через нашу станицу решили про-
ваться!

Старший лейтенант кивнул на дорогу, со стороны которой слышалась стрельба. Отчетливо слышны были короткие расчетливые очереди ППШ и длинные очереди немецких «шмайсеров». Звонко ударила пушка «тридцатьчетверки». В свете вспышки Алексей увидел белый силуэт «Зверобоя» за занесенными снегом скирдами. Взрыв осколочно-фугасного снаряда осветил часть дороги. Грузовую машину перевернуло, свалив на обочину, и она тут же загорелась. Теперь стало видно, что там, на дороге, стоят еще три грузовика и от них во все стороны разбегаются солдаты в белых куртках немецких горных егерей.

И тут заработал станковый пулемет. Алексей остановил пробежавшего мимо танкиста из второго взвода и передал приказ поднимать роту по тревоге и заводить моторы. Взяв бинокль у старшего лейтенанта, Соколов стал разглядывать поле впереди. Так и есть, вон мотоцикл, вон несколько окопчиков и блиндаж боевого охранения у дороги. Значит, там бойцы увидели ракеты и попытались остановить машины. И попали под огонь гитлеровцев. Видимо, у них убили пулеметчика. А теперь подоспел Омаев. И Логунов молодец: не стал дожидаться приказа, а вывел «Зверобоя» вперед. Темнота, танк выкрашен в белый цвет, занесенные снегом копны.

Он там маневрировать может долго, даже если у немцев кроме грузовиков оказались бы еще и танки.

Когда через тридцать минут на окраину станицы прибыл командир 54-й танковой бригады полковник Поляков, немцы уже сдавались. Выдвинув один взвод с десантом на броне на помощь Логунову, Соколов перекрыл дорогу, не дав возможности немцам снова уйти в ночь на машинах. А прямо от окраины станицы на немцев пошла стрелковая рота под прикрытием второго танкового взвода. Третий взвод лейтенант оставил в резерве. Неизвестно, сколько еще немцев прорвалось в наш тыл и каковы их замыслы.

Командир бригады подождал, пока Соколов отсоединит от своего шлема кабель ТПУ и прыгнет с брони танка на снег.

— Ты командовал? — не дожидаясь доклада, спросил полковник. — Какие потери?

— Двое убитых и трое раненных в боевом охранении, товарищ полковник, — козырнув, ответил Алексей. — Потом немцы просто сдались. Боялись, что мы их по снегу гусеницами раскатаем.

— Садись в машину, лейтенант, — кивнул полковник. — Доложишь лично командиру корпуса об этом бое. И где это Баданов таких командиров себе набирает? Мне бы кто это место подсказал.

— Дежурный, командиров взводов ко мне! — приказал Соколов, входя в бревенчатый деревенский дом, в котором жил со своим экипажем и куда был протянут полевой телефон из штаба батальона. — И замполита¹!

— А я уже здесь! — раздался голос лейтенанта Краснощекова.

Алексей с неудовольствием бросил взгляд на замполита, который по-хозяйски расположился за круглым столом в горнице. Михаил Краснощеков был неплохим парнем, но «политрук» в нем сидел глубоко и крепко. Многие политруки за эти полтора года войны правильно стали оценивать свое положение и свою роль в армии, на фронтах Отечественной войны. Не то уже было время, не Гражданская война, когда в Красной Армии служило много военспецов — бывших царских офицеров. Да, тогда была необходимость доверять, но проверять, нужно было надзирать за командирами из чуждых солдатам слоев общества. Но сейчас, когда Советская страна вырастила, воспитала и обучила много командиров, проверила их в горниле боев в Испании, на Халхин-Голе, в районе озера Хасан, необходимость в этом отпала. Да и в войне с белофиннами многие командиры тоже прошли закалку. Теперь в войсках нужны замполиты, люди, ко-

---

¹ С октября 1942 года в Красной Армии должности политруков и их надзорные за командирами функции были упразднены. В подразделениях и частях их заменили заместители командиров по политической части.

торые умеют найти подход к сердцу солдата, открыть ему глаза на политические события в мире и в нашей стране, научить правильно оценивать ситуацию. И самое главное, вести за собой не только командирским словом, но сердцем большевиков в бой.

Но Краснощеков почему-то все время пытался уличить ротного командира в политической безграмотности, в неправильной трактовке политики партии. Самое неприятное, что замполит часто делал это при командирах других рот и даже при подчиненных. Соколов злился, но терпел, считая, что все это временно. Вот вступит корпус снова в бой, и будет не до этого. Там будет видно, кто чего стоит. А Краснощеков прибыл в батальон всего три месяца назад и вместе с танкистами еще в бою не бывал.

Взводные командиры пришли быстро. Каждый из них знал, что Соколов отправился к командиру батальона, все ждали приказа о наступлении. В снях стало сразу шумно, командиры топали ногами, сбивая снег с валенок, отряхивали полушубки и шапки. Алексей смотрел на своих подчиненных со смешанным чувством. За эти месяцы он успел привыкнуть ко всем своим взводным. Он ждал наступления, рвался в бой и в то же время понимал, что может скоро потерять кого-то из своих танкистов, потому что войны без жертв не бывает.